ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 34-КГ20-2

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

г. Москва 13 апреля 2020 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего Пчелинцевой Л.М.,
судей Жубрина М.А. и Вавилычевой Т.Ю.

рассмотрела в открытом судебном заседании 13 апреля 2020 г. кассационную жалобу Ворониной Светланы Викторовны на решение Мончегорского городского суда Мурманской области от 28 января 2019 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Мурманского областного суда от 2 апреля 2019 г.

по делу № 2-35/2019 Мончегорского городского суда Мурманской области по иску Ворониной Светланы Викторовны к государственному областному автономному учреждению здравоохранения «Мончегорская центральная районная больница» о взыскании компенсации морального вреда, расходов на погребение.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Пчелинцевой Л.М., заключение прокурора Генеральной прокуратуры Российской Федерации Власовой Т.А., полагавшей доводы кассационной жалобы обоснованными, обжалуемые судебные постановления подлежащими отмене,

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Воронина С.В. 3 декабря 2018 г. обратилась в суд с иском к государственному областному автономному учреждению здравоохранения «Мончегорская центральная районная больница» (далее также – Мончегорская

центральная районная больница, больница) о взыскании компенсации морального вреда, расходов на погребение.

В обоснование заявленных требований Воронина С.В. ссылалась на то, что она на основании постановления администрации г. Мончегорска Мурманской области от 9 января 2008 г. № 3 являлась опекуном своей матери – недееспособной Ворониной Надежды Васильевны, [redacted] года рождения (инвалида I группы).

В период с 25 января по 5 февраля 2016 г. в связи с ухудшением состояния здоровья Ворониной Н.В. оказывалась медицинская помощь на дому работниками Мончегорской центральной районной больницы (в частности, бригадой скорой медицинской помощи, врачом-терапевтом, врачом-неврологом). В госпитализации Ворониной Н.В. работниками больницы было отказано, несмотря на требования Ворониной С.В. о необходимости такой госпитализации.

6 февраля 2016 г. Воронина С.В. вновь вызвала бригаду скорой медицинской помощи, которая госпитализировала Воронину Н.В. в Мончегорскую центральную районную больницу, где в приемном покое врач-кардиолог определил признаки инфаркта, после чего Воронина Н.В. была направлена в отделение кардиологии больницы, 7 февраля 2016 г. в больнице Воронина Н.В. умерла.

Воронина С.В. была в этот период беременной (на 33 неделе беременности), постоянно находилась с матерью Ворониной Н.В., предпринимала все действия для оказания ей качественной, своевременной медицинской помощи, однако по причине того, что работники Мончегорской центральной районной больницы оказали медицинскую помощь ненадлежащего качества, состояние здоровья матери ухудшилось, что привело к её смерти.

Ненадлежащее качество оказанной работниками Мончегорской центральной районной больницы медицинской помощи Ворониной Н.В. подтверждается выводами экспертиз, проведённых по обращению Ворониной С.В. в органы прокуратуры и в Министерство здравоохранения Мурманской области.

Ненадлежащим оказанием медицинской помощи матери Ворониной С.В. – Ворониной Н.В., повлёкшим её смерть, ответчик причинил Ворониной С.В. нравственные страдания, выразившиеся в её переживаниях по поводу состояния здоровья близкого родственника (матери), в связи с чем Воронина С.В. просила взыскать с Мончегорской центральной районной больницы компенсацию причинённого ей морального вреда в размере 500 000 руб. и затраты на захоронение Ворониной Н.В. – 30 160 руб.

Решением Мончегорского городского суда Мурманской области от 28 января 2019 г. в удовлетворении исковых требований Ворониной С.В. отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Мурманского областного суда от 2 апреля 2019 г. решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

В поданной в Верховный Суд Российской Федерации кассационной жалобе Ворониной С.В. ставится вопрос о передаче жалобы с делом для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации для отмены принятых по делу судебных постановлений, как незаконных.

По результатам изучения доводов кассационной жалобы судьёй Верховного Суда Российской Федерации Пчелинцевой Л.М. 12 декабря 2019 г. дело истребовано в Верховный Суд Российской Федерации, и её же определением от 6 марта 2020 г. кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

В судебное заседание Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации стороны, надлежаще извещённые о времени и месте рассмотрения дела в суде кассационной инстанции, не явились. Воронина С.В. просила рассмотреть дело в ее отсутствие (телефонограмма от 6 апреля 2020 г. в 9.45 час.). От главного врача Мончегорской центральной районной больницы Лялюшкина С.Л. 10 апреля 2020 г. поступили письменные возражения на кассационную жалобу. Руководствуясь частью 4 статьи 390^{12} Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации считает возможным рассмотреть дело в их отсутствие.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит жалобу подлежащей удовлетворению, поскольку имеются основания для отмены в кассационном порядке судебных постановлений.

Основаниями для отмены или изменения судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов (статья 390^{14} Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации приходит к выводу о том, что при рассмотрении настоящего дела имеются такого характера существенные нарушения норм материального и процессуального права, допущенные судами первой и апелляционной инстанций, и они выразились в следующем.

Судом установлено и следует из материалов дела, что Воронина С.В. является дочерью Ворониной Надежды Васильевны, [redacted] года рождения.

Постановлением администрации г. Мончегорска Мурманской области от 9 января 2008 г. № 3 Воронина С.В. назначена опекуном над инвалидом I группы недееспособной Ворониной Н.В.

В период с 25 января по 5 февраля 2016 г. по вызовам социального работника и Ворониной С.В. работниками Мончегорской центральной

районной больницы, а именно бригадой скорой медицинской помощи, врачом-терапевтом, врачом-неврологом, Ворониной Н.В. оказывалась медицинская помощь на дому в связи с ухудшением состояния её здоровья.

6 февраля 2016 г. Воронина С.В. вызвала бригаду скорой медицинской помощи, которая госпитализировала Воронину Н.В. в Мончегорскую центральную районную больницу, где в приемном покое врач-кардиолог определил у неё признаки инфаркта, после чего Воронина Н.В. была направлена в отделение кардиологии больницы.

7 февраля 2016 г. в стационаре Мончегорской центральной районной больницы Воронина Н.В. умерла.

Согласно медицинскому свидетельству о смерти Ворониной Н.В. от 9 февраля 2016 г. причиной её смерти явились сердечная недостаточность, декомпенсация; внутрисердечный тромб; острый инфаркт передней стенки миокарда.

1 июля 2016 г. Воронина С.В. обратилась в Министерство здравоохранения Мурманской области с жалобой на ненадлежащее оказание работниками Мончегорской центральной районной больницы медицинской помощи её матери Ворониной Н.В.

Заключениями о качестве медицинской помощи, составленными экспертами Мурманского филиала АО «Страховая компания «СОГАЗ-Мед» 13 августа (одно заключение) и 15 августа 2016 г. (три заключения), установлено, что 25 января 2016 г. медицинская помощь Ворониной Н.В. не оказывалась, госпитализация не предложена; жалобы врачом-терапевтом 26 января 2016 г. не собраны, объективный осмотр Ворониной Н.В. формальный, информации о состоянии здоровья не даёт; консультация врача-невролога 27 января 2016 г. не дает полную информацию о неврологическом статусе, не предложена госпитализация; 28 января 2016 г. медицинская помощь Ворониной Н.В. не оказывалась, госпитализация не предложена, что создало условия для прогрессирования заболевания. Экспертами сделан вывод о том, что работниками Мончегорской центральной районной больницы были допущены дефекты (ошибки) при оказании медицинской помощи Ворониной Н.В.

По заявлению Ворониной С.В. в отношении действий (бездействия) работников Мончегорской центральной районной больницы следственными органами по г. Мончегорску Мурманской области назначены проверки, в рамках которых были проведены две комиссионные судебно-медицинские экспертизы по факту оказания медицинской помощи Ворониной Н.В. работниками Мончегорской центральной районной больницы (государственным областным бюджетным учреждением здравоохранения «Областное Мурманское Бюро судебно-медицинской экспертизы» и казённым учреждением Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Бюро судебно-медицинской экспертизы»).

В заключении государственного областного бюджетного учреждения здравоохранения «Областное Мурманское Бюро судебно-медицинской экспертизы» от 9 августа 2017 г. указано, что между развитием смертельных

осложнений совокупности длительно текущих заболеваний, имеющихся у Ворониной Н.В., и действиями (бездействием) медицинских работников Мончегорской центральной районной больницы прямой причинно-следственной связи не имеется.

В заключении дополнительной комиссионной судебно-медицинской экспертизы, проведённой казённым учреждением Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Бюро судебно-медицинской экспертизы» в период с 7 по 13 августа 2018 г., сделан вывод о том, что в ходе оказания медицинской помощи Ворониной Н.В. работниками Мончегорской центральной районной больницы допущен ряд дефектов: не диагностирован инфаркт миокарда врачами, наблюдавшими амбулаторно за Ворониной Н.В. с 25 января 2016 г.; осуществлена неверная интерпретация электрокардиограммы от 28 января 2016 г. работниками скорой медицинской помощи, что не позволило своевременно выявить инфаркт миокарда; при лечении в стационаре 6-7 февраля 2016 г. Ворониной Н.В. не была назначена необходимая терапия. Оценивая причинную связь между допущенными дефектами оказания работниками больницы медицинской помощи и смертью пациентки Ворониной Н.В., эксперты пришли к выводу об отсутствии таковой, указав на то, что пациентка Воронина Н.В. длительное время страдала тяжёлым заболеванием системы кровообращения с выраженными неврологическими, кардиологическими и сосудистыми проявлениями, которое развивалось у неё самостоятельно, без участия врачей и непосредственно привело к её смерти, при этом смерть Ворониной Н.В. могла наступить и при оказании своевременной и адекватной медицинской помощи.

По результатам проведённых проверок по заявлению Ворониной С.В. на действия (бездействие) работников Мончегорской центральной районной больницы постановлением старшего следователя следственного отдела ОМВД России по г. Мончегорску от 8 ноября 2017 г. и постановлением руководителя следственного отдела по г. Мончегорску Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Мурманской области от 24 декабря 2018 г. в отношении работников Мончегорской центральной районной больницы было отказано в возбуждении уголовных дел в связи с отсутствием в их действиях составов преступлений.

Разрешая спор, суд первой инстанции пришёл к выводу об отсутствии оснований для взыскания с Мончегорской центральной районной больницы в пользу Ворониной С.В. компенсации морального вреда в связи со смертью её матери Ворониной Н.В., поскольку исходил из того, что причинно-следственная связь между действиями (бездействием) работников Мончегорской центральной районной больницы и наступившей смертью Ворониной Н.В. отсутствует.

При этом суд первой инстанции указал, что доказательства, представленные в материалы дела, и заключения судебно-медицинских экспертиз не позволяют прийти к суждению о том, что действиями работников Мончегорской центральной районной больницы причинён моральный вред Ворониной С.В. вследствие оказания некачественной медицинской помощи её

матери Ворониной Н.В., так как смерть Ворониной Н.В. обусловлена тяжёлым заболеванием системы кровообращения с выраженными неврологическими, кардиологическими и сосудистыми проявлениями, которое непосредственно привело к её смерти, а дефекты оказания ей медицинской помощи не являются причиной развития основного заболевания и его осложнения и не находятся в прямой причинно-следственной связи со смертью Ворониной Н.В.

Суд апелляционной инстанции признал выводы суда первой инстанции правильными и обоснованными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации считает, что выводы судов первой и апелляционной инстанций сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

В части 1 статьи 41 Конституции Российской Федерации закреплено, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счёт средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

Отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации, регулируются Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Согласно пункту 1 статьи 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» здоровье – это состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма.

Охрана здоровья граждан – это система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи (пункт 2 статьи 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Статьёй 4 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусмотрено, что к основным принципам охраны здоровья относятся, в частности: соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий; приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи; ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц организаций за обеспечение прав граждан в

сфере охраны здоровья; доступность и качество медицинской помощи; недопустимость отказа в оказании медицинской помощи.

Медицинская помощь – это комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг; пациент – это физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния (пункты 3, 9 статьи 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Каждый имеет право на медицинскую помощь в гарантированном объёме, оказываемую без взимания платы в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также на получение платных медицинских услуг и иных услуг, в том числе в соответствии с договором добровольного медицинского страхования (части 1, 2 статьи 19 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

В пункте 21 статьи 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определено, что качество медицинской помощи – совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата.

Медицинская помощь, за исключением медицинской помощи, оказываемой в рамках клинической апробации, организуется и оказывается: 1) в соответствии с положением об организации оказания медицинской помощи по видам медицинской помощи, которое утверждается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти; 2) в соответствии с порядками оказания медицинской помощи, утверждаемыми уполномоченным федеральным органом исполнительной власти и обязательными для исполнения на территории Российской Федерации всеми медицинскими организациями; 3) на основе клинических рекомендаций; 4) с учётом стандартов медицинской помощи, утверждаемых уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (часть 1 статьи 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

В соответствии со статьей 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан» Министерством здравоохранения Российской Федерации издан приказ от 1 июля 2015 г. № 404н «Об утверждении стандарта специализированной медицинской помощи при остром инфаркте миокарда (с подъемом сегмента ST электрокардиограммы)» (далее – Стандарт специализированной медицинской помощи при остром инфаркте миокарда).

Как следует из пункта 1 Стандарта специализированной медицинской помощи при остром инфаркте миокарда, необходимыми медицинскими мероприятиями для диагностики заболевания, состояния являются, в частности приём (осмотр, консультация) следующих врачей-специалистов: врача-

анестезиолога-реаниматолога, врача-кардиолога; проведение лабораторных и инструментальных методов исследования (по перечню).

Критерии оценки качества медицинской помощи согласно части 2 статьи 64 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» формируются по группам заболеваний или состояний на основе соответствующих порядков оказания медицинской помощи, стандартов медицинской помощи и клинических рекомендаций (протоколов лечения) по вопросам оказания медицинской помощи, разрабатываемых и утверждаемых в соответствии с частью 2 статьи 76 этого федерального закона, и утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Медицинские организации, медицинские работники и фармацевтические работники несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи. Вред, причинённый жизни и (или) здоровью граждан при оказании им медицинской помощи, возмещается медицинскими организациями в объёме и порядке, установленных законодательством Российской Федерации (части 2 и 3 статьи 98 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Исходя из приведённых нормативных положений, регулирующих отношения в сфере охраны здоровья граждан, право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантируется системой закрепляемых в законе мер, включающих в том числе как определение принципов охраны здоровья, качества медицинской помощи, порядков оказания медицинской помощи, стандартов медицинской помощи и клинических рекомендаций (протоколов), так и установление ответственности медицинских организаций и медицинских работников за причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи.

Из содержания искового заявления Ворониной С.В. усматривается, что основанием для обращения в суд с требованием о компенсации причинённого морального вреда послужило ненадлежащее оказание медицинской помощи её матери Ворониной Н.В., приведшее, по мнению истца, к её смерти.

Согласно статье 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

Семейная жизнь в понимании статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентной практики Европейского Суда по правам человека охватывает существование семейных связей как между супругами, так и между родителями и детьми, в том числе совершеннолетними, между другими родственниками.

Статьёй 38 Конституции Российской Федерации и корреспондирующими ей номами статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации предусмотрено, что семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства.

Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьёй всех её членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав (пункт 1 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации).

Пунктом 1 статьи 150 Гражданского кодекса Российской Федерации определено, что жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом.

Если гражданину причинён моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинён вред (статья 151 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» разъяснено, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причинённые действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причинённым увечьем, иным

повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесённым в результате нравственных страданий, и др.

Из норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод и их толкования в соответствующих решениях Европейского Суда по правам человека в их взаимосвязи с нормами Конституции Российской Федерации, Семейного кодекса Российской Федерации, положениями статей 150, 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что моральный вред – это нравственные или физические страдания, причинённые действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага, перечень которых законом не ограничен. К числу таких нематериальных благ относится жизнь и здоровье, охрана которых гарантируется государством в том числе путём оказания медицинской помощи. В случае нарушения прав граждан в сфере охраны здоровья, причинения вреда жизни и здоровью гражданина при оказании ему медицинской помощи, при оказании ему ненадлежащей медицинской помощи требования о компенсации морального вреда могут быть заявлены родственниками и другими членами семьи такого гражданина, поскольку, исходя из сложившихся семейных связей, характеризующихся близкими отношениями, духовным и эмоциональным родством между членами семьи, возможно причинение лично им (то есть членам семьи) нравственных и физических страданий (морального вреда) ненадлежащим оказанием медицинской помощи этому лицу.

В силу пункта 1 статьи 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными главой 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» (статьи 1064-1101) и статьёй 151 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Согласно пунктам 1, 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, определяющей общие основания гражданско-правовой ответственности за причинение вреда, вред, причинённый личности или имуществу гражданина, а также вред, причинённый имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объёме лицом, причинившим вред. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинён не по его вине. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причинённый его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей.

Статья 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает, что размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причинённых потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда.

Как разъяснено в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», суду следует устанавливать, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, степень вины причинителя, какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим, в какой сумме он оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора. Одним из обязательных условий наступления ответственности за причинение морального вреда является вина причинителя. Исключение составляют случаи, прямо предусмотренные законом.

Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учётом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесённых им страданий (абзац второй пункта 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»).

В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина» разъяснено, что по общему правилу, установленному статьёй 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, ответственность за причинение вреда возлагается на лицо, причинившее вред, если оно не докажет отсутствие своей вины. Установленная статьёй 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации презумпция вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам ответчик. Потерпевший представляет доказательства, подтверждающие факт увечья или иного повреждения здоровья, размер причинённого вреда, а также доказательства того, что ответчик является причинителем вреда или лицом, в силу закона обязанным возместить вред.

При рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего иным лицам, в частности членам его семьи, иждивенцам, суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий. Указанные обстоятельства влияют также и на определение размера компенсации этого вреда. При определении размера компенсации морального вреда суду с учётом требований разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных или физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинён вред, степени вины нарушителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств каждого дела (абзацы третий и четвёртый пункта 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами

гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина»).

По смыслу приведённых нормативных положений гражданского законодательства и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, моральный вред – это нравственные или физические страдания, причинённые действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага, перечень которых законом не ограничен. Необходимыми условиями для возложения обязанности по компенсации морального вреда являются: наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, наличие причинной связи между наступлением вреда и противоправностью поведения причинителя вреда, вина причинителя вреда.

При этом законом установлена презумпция вины причинителя вреда, которая предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам ответчик. Потерпевший представляет доказательства, подтверждающие факт наличия вреда (физических и нравственных страданий – если это вред моральный), а также доказательства того, что ответчик является причинителем вреда или лицом, в силу закона обязанным возместить вред.

Следовательно, для привлечения к ответственности в виде компенсации морального вреда юридически значимыми и подлежащими доказыванию являются обстоятельства, связанные с тем, что потерпевший перенёс физические или нравственные страдания в связи с посягательством причинителя вреда на принадлежащие ему нематериальные блага, при этом на причинителе вреда лежит бремя доказывания правомерности его поведения, а также отсутствия его вины, то есть установленная законом презумпция вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам ответчик.

Применительно к спорным отношениям в соответствии с действующим правовым регулированием Мончегорская центральная районная больница должна доказать отсутствие своей вины в причинении морального вреда Ворониной С.В. в связи со смертью её матери Ворониной Н.В., медицинская помощь которой, как указывала истец, была оказана ненадлежащим образом.

Однако в настоящем деле суды первой и апелляционной инстанций неправильно истолковали и применили к спорным отношениям нормы материального права, регулирующие отношения по компенсации морального вреда, причинённого гражданину, в системной взаимосвязи с нормативными положениями, регламентирующими обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья, включая государственные гарантии обеспечения качества оказания медицинской помощи.

В нарушение подлежащих применению норм материального права и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации судебные инстанции возложили на истца бремя доказывания обстоятельств, касающихся некачественного оказания Ворониной Н.В. медицинской помощи, и причинно-следственной связи между ненадлежащим оказанием сотрудниками Мончегорской центральной районной больницы медицинской помощи

Ворониной Н.В. и наступившей смертью Ворониной Н.В., в то время как ответчиком (Мончегорской центральной районной больницей) не было представлено доказательств, подтверждающих отсутствие его вины в неустановлении Ворониной Н.В. правильного диагноза, в том числе бригадами скорой медицинской помощи неоднократно вызываемыми истцом для оказания медицинской помощи Ворониной Н.В. и ее госпитализации, в которой было отказано сотрудниками скорой медицинской помощи и участковым терапевтом, врачом-неврологом, то есть не представлено доказательств соблюдения установленных порядка и стандартов оказания медицинской помощи.

При таких обстоятельствах вывод судебных инстанций об отсутствии причинно-следственной связи между недостатками (дефектами) медицинской помощи, оказанной Ворониной Н.В., и наступившими последствиями в виде ухудшения ее здоровья и смерти нельзя признать правомерным, так как он не соответствует приведённым положениям Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», статей 151, 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и разъяснениям по их применению, изложенным в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» и от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

Судебными инстанциями не дана оценка доводам истца, на которых Воронина С.В. основывала свои исковые требования о компенсации морального вреда, о том, что в случае оказания Ворониной Н.В. качественной и своевременной медицинской помощи, её госпитализации в медицинское учреждение при первоначальном вызове бригады скорой медицинской помощи и в случае проведения всех необходимых обследований и диагностических мероприятий Ворониной Н.В. был бы правильно и своевременно установлен диагноз и, следовательно, была бы оказана надлежащая медицинская помощь с учётом её состояния здоровья.

Кроме того, судебные инстанции, сделав вывод об отсутствии вины Мончегорской центральной районной больницы в ненадлежащем оказании медицинской помощи Ворониной Н.В. со ссылкой на то, что отсутствует причинно-следственная связь между действиями (бездействием) работников Мончегорской центральной районной больницы и наступившей смертью Ворониной Н.В., так как смерть Ворониной Н.В. была обусловлена тяжёлым заболеванием системы кровообращения с выраженными неврологическими, кардиологическими и сосудистыми проявлениями, которое непосредственно и привело её к смерти, не применили к спорным отношениям положения статьи 70 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» о полномочиях лечащего врача при оказании медицинской помощи пациенту.

Так, согласно частям 2, 5 статьи 70 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» лечащий врач организует

своевременное квалифицированное обследование и лечение пациента, предоставляет информацию о состоянии его здоровья, по требованию пациента или его законного представителя приглашает для консультаций врачей-специалистов, при необходимости созывает консилиум врачей для целей, установленных частью 4 статьи 47 названного федерального закона (донорство органов и тканей человека и их трансплантация (пересадка). Рекомендации консультантов реализуются только по согласованию с лечащим врачом, за исключением случаев оказания экстренной медицинской помощи. Лечащий врач устанавливает диагноз, который является основанным на всестороннем обследовании пациента и составленным с использованием медицинских терминов медицинским заключением о заболевании (состоянии) пациента.

Рассматривая настоящее дело, судебные инстанции не выяснили, были ли предприняты сотрудниками больницы, в том числе фельдшерами скорой медицинской помощи, врачом-терапевтом, врачом-неврологом при посещении Ворониной Н.В. на дому все необходимые и возможные меры, в том числе предусмотренные стандартами оказания медицинской помощи, для своевременного и квалифицированного обследования пациента по указанным им жалобам и в целях установления правильного диагноза, определению и установлению симптомов возникшего у Ворониной Н.В. заболевания (острый инфаркт передней стенки миокарда), правильно ли были организованы обследование пациента и лечебный процесс, имелась ли у больницы возможность оказать пациенту необходимую и своевременную госпитализацию в стационар и медицинскую помощь, в то время как в соответствии с пунктом 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации именно на ответчике лежала обязанность доказывания своей невиновности в причинении морального вреда Ворониной С.В. в связи со смертью матери Ворониной Н.В. вследствие оказания ей ненадлежащей медицинской помощи и отказа в необходимой для облегчения её состояния госпитализации.

Ввиду изложенного суждение судебных инстанций об отсутствии оснований для вывода о причинении морального вреда Ворониной С.В. действиями (бездействием) работников Мончегорской центральной районной больницы не соответствует нормам права, регулирующим спорные отношения.

Судебными инстанциями при рассмотрении дела по иску Ворониной С.В. о компенсации морального вреда, связанного с ненадлежащим оказанием медицинской помощи Ворониной Н.В., существенно нарушены и нормы процессуального права.

Частью 1 статьи 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации установлено, что правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создаёт условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств

и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел (часть 2 статьи 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

В силу части 1 статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались (часть 2 статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности (части 1 и 3 статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

При принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применён по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению (часть 1 статьи 196 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

В пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» разъяснено, что заявленные требования рассматриваются и разрешаются по основаниям, указанным истцом, а также по обстоятельствам, вынесенным судом на обсуждение в соответствии с частью 2 статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Заключение эксперта, равно как и другие доказательства по делу не являются исключительными средствами доказывания и должны оцениваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами (статья 67, часть 3 статьи 86 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). Оценка судом заключения должна быть полно отражена в решении. При этом суду следует указывать, на чём основаны выводы эксперта, приняты ли им во внимание все материалы, представленные на экспертизу, и сделан ли им соответствующий анализ. Если экспертиза поручена нескольким экспертам, давшим отдельные заключения, мотивы согласия или несогласия с ними должны быть приведены в судебном решении отдельно по каждому заключению (пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»).

Требования процессуального закона о доказательствах и доказывании судебными инстанциями соблюдены не были.

По данному делу юридически значимыми и подлежащими установлению с учётом правового обоснования Ворониной С.В. заявленных исковых

требований положениями Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», статей 151, 1064, 1068 ГК РФ и иных норм права, подлежащих применению к спорным отношениям, являлось выяснение обстоятельств, касающихся того, повлияли ли выявленные дефекты оказания Мончегорской центральной районной больницей медицинской помощи Ворониной Н.В. на правильность постановки ей диагноза (острый инфаркт передней стенки миокарда), назначения соответствующего лечения и развитие летального исхода, а также определение степени нравственных страданий Ворониной С.В. с учётом фактических обстоятельств причинения ей морального вреда и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесённых ею переживаний (состояние беременности Ворониной С.В.) в результате ненадлежащего оказания её матери медицинской помощи, наблюдения за её страданиями на протяжении длительного времени (с 25 января по 6 февраля 2016 г.) и её последующей смерти.

От выяснения данных обстоятельств зависело правильное разрешение судом спора по требованиям Ворониной С.В. о взыскании компенсации морального вреда, однако суд первой инстанции эти юридически значимые обстоятельства не определил и не установил.

Отказывая Ворониной С.В. в удовлетворении исковых требований о компенсации морального вреда, судебные инстанции сослались на заключения судебно-медицинских экспертиз, указав на то, что этими заключениями прямая причинно-следственная связь между недостатками (дефектами) оказанной Ворониной Н.В. учреждением здравоохранения медицинской помощи и её смертью не установлена.

Между тем судебные инстанции, исходя из характера спорных отношений и положений части 1 статьи 196 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, не дали собственной правовой оценки тому обстоятельству, что в заключениях судебно-медицинских экспертиз, в том числе заключениях экспертов Мурманского филиала АО «Страховая компания «СОГАЗ-Мед» оценки качества медицинской помощи, отмечены дефекты (ошибки) в оказании медицинской помощи Ворониной Н.В. В частности, экспертами отмечалось, что 25 января 2016 г. медицинская помощь Ворониной Н.В. не оказывалась, госпитализация не предложена; жалобы врачом-терапевтом 26 января 2016 г. не собраны, объективный осмотр Ворониной Н.В. формальный, информации о состоянии здоровья не даёт; консультация врача-невролога 27 января 2016 г. не даёт полную информацию о неврологическом статусе, не предложена госпитализация; 28 января 2016 г. медицинская помощь Ворониной Н.В. не оказывалась, госпитализация не предложена, что создало условия для прогрессирования заболевания. При этом вопрос о том, были ли предприняты фельдшерами скорой медицинской помощи, врачом-терапевтом, врачом-неврологом все необходимые меры для своевременного и квалифицированного обследования пациента, включая подробное описание состояния здоровья пациента, его рентгеновский снимок, проведение дополнительных исследований, госпитализацию и направление Ворониной Н.В. к иным специалистам, таким как врач-анестезиолог-

реаниматолог, врач-кардиолог, как это предусмотрено положениями статьи 70 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в целях правильного определения диагноза, предметом исследования в судебном заседании не являлся и на обсуждение сторон спора судом не выносился.

Каких-либо данных о том, что Ворониной Н.В. в процессе её обследования на дому медицинскими работниками при обращении за медицинской помощью был установлен правильный диагноз и назначено соответствующее этому диагнозу лечение, в деле не имеется, равно как и не имеется в материалах дела доказательств того, что Воронина Н.В. и её опекун Воронина С.В. были поставлены работниками больницы в известность о тяжести имеющегося у Ворониной Н.В. заболевания, в связи с чем утверждение суда первой инстанции о том, что ухудшение состояния здоровья Ворониной Н.В., приведшее к наступлению её смерти, было обусловлено тяжёлым заболеванием системы кровообращения с выраженными неврологическими, кардиологическими и сосудистыми проявлениями, которое непосредственно и привело её к смерти, не основано на требованиях норм материального права, определяющих порядок оказания медицинской помощи и её качество с учётом состояния здоровья пациента.

Приведённые выше нарушения норм материального и процессуального права, допущенные судами первой и апелляционной инстанций при разрешении спора по иску Ворониной С.В. к Мончегорской центральной районной больнице о компенсации морального вреда, взыскании расходов на погребение, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит существенными, а выводы судебных инстанций по исковым требованиями Ворониной С.В. неправомерными.

Эти нарушения закона, по мнению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, свидетельствуют о формальном подходе судебных инстанций к рассмотрению настоящего дела, в котором разрешался спор, связанный в том числе с защитой гражданином нематериальных благ, что привело к нарушению задач и смысла гражданского судопроизводства, установленных статьёй 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, и права Ворониной С.В. на справедливую, компетентную, полную и эффективную судебную защиту, гарантированную каждому статьёй 8 Всеобщей декларации прав человека, пунктом 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пунктом 1 статьи 14 Международного пакта и гражданских и политических правах, а также частью 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации.

С учётом изложенного обжалуемые судебные постановления нельзя признать законными, поскольку они приняты с существенными нарушениями норм материального права, повлиявшими на исход дела, без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов заявителя, что согласно статье 390^{14} Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации является основанием для отмены обжалуемых судебных

постановлений и направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении дела суду следует учесть изложенное и разрешить спор в соответствии с подлежащими применению к спорным отношениям сторон нормами материального права, установленными по делу обстоятельствами и с соблюдением требований процессуального закона.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьями 390^{14}, 390^{15}, 390^{16} Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации,

определила:

решение Мончегорского городского суда Мурманской области от 28 января 2019 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Мурманского областного суда от 2 апреля 2019 г. по делу № 2-35/2019 Мончегорского городского суда Мурманской области отменить.

Дело направить на новое рассмотрение в суд первой инстанции – в Мончерогский городской суд Мурманской области.

Председательствующий

Судьи